Никогда не верь пирату

Автор:
Валери Боумен

Никогда не верь пирату

Валери Боумен

Игривые невесты #7Шарм (АСТ)

Ловелас от скуки ухлестывает за хорошенькой новой горничной в поместье своего брата, а та с ним кокетничает, но вольностей не допускает. Так показалось бы любому, кто понаблюдал бы за отношениями лихого морского волка (по слухам, не брезговавшего и пиратством) Кейда Кавендиша и Даньелл ла Кросс.

Однако в действительности и «скучающий ловелас» Кейд, и «кокетливая горничная» Даньелл – бесстрашные агенты британской разведки, которым придется сотрудничать, чтобы вместе вычислить и обезвредить опытного французского шпиона.

В таких обстоятельствах чувства могут быть не только неуместны, но и смертельно опасны. Однако что же делать, если Даньелл и Кейд действительно полюбили друг друга и отчаянно балансируют между любовью и долгом?..

Валери Боумен

Никогда не верь пирату

Valerie Bowman

NEVER TRUST A PIRATE

© Valerie Bowman, 2017

© Перевод. Т. А. Перцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Глава 1

Лондонский порт, июль 1817 года

Только три ступеньки. Только «три ступеньки» отделяли его от карты. Она там, лежит на шатком деревянном столе, в капитанской каюте на борту судна, метко названного «Le Secret Francais[1 - Французская тайна (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.]».

Единственным звуком, нарушавшим тишину тесного пространства, было его натруженное дыхание. На его лбу выступили капли пота. Он зашел достаточно далеко. Несмотря на туманную холодную погоду, доплыл до судна, пришвартованного в лондонской гавани. Молча, словно черный призрак, вскарабкался на борт. Выжал одежду, чтобы не оставить следа из капель на досках палубы. Сумел прокрасться в капитанскую каюту, пока капитан спал, и теперь, теперь только «три ступеньки» стояли между ним и бесценной картой.

Капля упала на деревянный пол, как молот на сталь. Звук его дыхания прозвучал отчаянным крещендо. Грохот крови в висках превратился в назойливое жужжание.

Шаг вперед. Ступня соприкоснулась с доской пола. Скрытность и тишина. Всегда. Визитная карточка лучшего вора в Лондоне.

Капитан слегка пошевелился во сне и захрапел. Вор замер. Нога в кожаном башмаке застыла на деревянной доске. Пистолет покоился на двух гвоздях, прямо над койкой капитана. Если тот проснется, может выстрелить при малейшем шуме. Потому что наверняка знает, какое сокровище хранится в его каюте.

Вор досчитал до десяти. Раз. Другой. Он давно уже овладел искусством сохранять равновесие на судне. Подождал, пока сердце снова забьется ровно, прежде чем сделать следующий шаг. Легкий скрип пола. Легкий намек на движение со стороны капитана. Снова бесконечное ожидание. Нетерпение свернулось в животе тугим узлом.

Теперь он вышел из тени и стоял всего в шаге от привинченного к полу стола. Лунный свет лился в окно над койкой капитана, ложась на его лысеющую голову. Карта была расстелена на столе и пришпилена булавками по углам. Придется вынимать булавки. Треск рвущейся бумаги слишком громко отдастся в тишине каюты.

Мгновения мучительного ожидания, когда капитан повернулся спиной к нему и перестал храпеть.

Вор глянул в сторону койки. Пистолет сверкал в лунном свете. Вор с трудом сглотнул. Он никогда не брал на дело пистолет. Чересчур громкое оружие. Прибежит команда, портовая полиция и всякий, кто заинтересуется источником шума. Его единственным оружием был нож, засунутый за пояс штанов. Инструмент тех, кто предпочитает действовать украдкой.

Он снова сосчитал до десяти, прежде чем сделать последний шаг. Сейчас нет времени внимательно изучать карту, но быстрый взгляд выявил пункт назначения. Остров Святой Елены, неподалеку от западного побережья Африки, был обведен отчетливым кружком. Карта маршрута очередного побега опасного человека. Этот ублюдок на койке задумал побег врага!

Пальцы вора чесались от желания схватить карту и бежать, но он вынудил себя дышать ровнее и осторожно вытащил первую булавку в верхнем правом углу. Она легко вынулась. Верх карты свернулся с легким шорохом. Затаив дыхание, вор снова глянул в сторону капитана. Никаких движений.

Вор воткнул булавку в стол, чтобы не упала, и потянулся к следующей, в нижнем правом углу. Она тут же выскочила. Он поспешно воткнул ее в стол и осторожно свернул карту. Потянувшись к очередной булавке, он оглянулся. Все спокойно. Булавка застряла в дереве. Нужно тянуть сильнее. Рукой, затянутой в черную перчатку, он схватил булавку и дернул. Дыхание со свистом отдалось в ушах. На этот раз он услышал, как волны бьются о борт корабля.

Булавка, наконец, поддалась. Он прижал ладонью верх карты, чтобы освобожденный левый угол не свернулся. Лишний шум.

Вор налег грудью на карту и воткнул третью булавку в дерево.

Щелк!

Отчетливый звук. Тот, который он часто слышал раньше.

Вор сглотнул от неожиданности. Черт бы все это побрал! Он так старался не наделать шума, что не осознал, что капитан перестал храпеть.

Полураспростертый на столе вор обдумывал, что делать. Дверь слева, в десяти шагах, открытое окно – справа, в пяти шагах. Пролезет ли он в окно? Трудно представить, что его ждет, если окажется, что не пролезет.

– Отступи от этой карты, если не хочешь получить пулю в спину.

Голос капитана был злым и резким.

Вор медленно поднялся, заложив руки за голову, показывая этим, что у него нет оружия.

– Я не стреляю в безоружных. А вы, капитан?

– Я без размышлений пристрелил бы вора, – прошипел капитан, почти выплюнув слово «вор».

Вор глянул на карту. Нужно хорошенько рассмотреть все, если придется покинуть судно без нее. Он бывал и в худших ситуациях, причем большее

количество раз, чем мог сосчитать. И сейчас вспомнил о скрытом под рубашкой ноже. Проще и быстрее всего выхватить нож и метнуть в горло ублюдка. Но внутренний голос напомнил, что правосудие должно вершиться в должном порядке.

– Повернись, – приказал капитан. – Медленно.

– Зачем? – спросил он, пытаясь выиграть драгоценное время.

– Хочу видеть лицо человека, который намерен украсть мои секреты.

Он стал поворачиваться. Медленно. Так медленно и спокойно, что мог поклясться, что слышал, как капля пота сорвалась со лба и плюхнулась на пол. Наконец, он встал лицом к лицу с капитаном.

– Etres-vous Renard Noir[2 - Ты Черный Лис? (фр.)]? – спросил капитан.

– Pourquoi veux tu savoir[3 - Зачем тебе знать? (фр.)]?

Лицо капитана было хорошо освещено луной. Он прищурился.

– А, идеальный французский? Почему мне так сложно поверить в это, видя перед собой явного англичанина?

– Явного?

– Кому еще нужна эта карта?

Его так и подмывало удушить ублюдка. Пусть он не сможет убить негодяя, но по крайней мере, ранит!

Он сунул руку за спину, схватил нож и метнул в капитана. Нож попал в руку, державшую пистолет. Капитан взвыл. Оружие выстрелило. Дым и едкий смрад заполнили каюту. Вор сорвал карту с четвертой булавки и метнулся к двери.

Но на палубе над капитанской каютой раздался топот множества ног. Вор вынудил себя выжидать в кромешной тьме под палубой, под самым трапом, пока первая группа матросов сбегала по ступенькам в каюту. Он расправил карту и сложил ее в небольшой квадрат.

– Он сбежал, идиоты! Найдите его, прежде чем он успеет прыгнуть за борт! – заорал капитан по-французски.

Матросы послушно рассыпались по палубам. Капитан выбежал из каюты, зажимая рану на руке. Кровь сочилась между пальцами, алые капли падали на ночную сорочку. Он взобрался наверх и побежал по палубе.

Вор, выскочив из темноты, ринулся в пустую каюту и подлетел к окну. Прочитал короткую молитву, прося Бога помочь протиснуться в узкую щель. Взобрался на окно и вылез наружу. Сорвал черную треуголку, прижал карту к макушке и снова натянул шляпу поглубже.

Справа, в двух футах от окна, свисала веревка. Благодарение господу за малые милости! Он рванулся вбок и схватил веревку. Бесшумно спустился по ней, упираясь ногами в борт, и оказался в воде. Осторожно повернул голову и подмигнул грудастой француженке на носу судна, под капитанской каютой. Отпустил веревку и поплыл к берегу, как макрель, удирающая от акулы, стараясь не вдыхать вонь грязной воды. Он рассчитывал на ночной мрак и мутную воду Темзы, которые не дадут его обнаружить.

Пока он быстро увеличивал расстояние между французским кораблем и берегом, в ночи раздавались крики французов. Он осмелился оглянуться еще раз. Похоже, на судне зажгли все фонари, и матросы сновали по палубе как потревоженные муравьи.

Он подплыл к самому темному месту на дальнем конце пристани, подальше от французского корабля и, опираясь на руки, выбрался на скрипучий причал.

Измученный, он лег на спину и, тяжело дыша, уставился в черное как смоль небо. Одной рукой он придерживал треуголку. Его губы растягивала широкая улыбка.

Он сделал это! Сбежал с французского судна и унес карту с намеченным маршрутом побега Наполеона с острова Святой Елены. Недаром его прозвали Черным Лисом.

Глава 2

«ЧЕРНЫЙ ЛИС НАНОСИТ НОВЫЙ УДАР!»

Кейд Кавендиш украдкой глянул на заголовок статьи в «Таймс», лежавшей на углу стола рядом с ним. Его брат-близнец Рейф развалился напротив вышеуказанного стола в «Брукс», знаменитом клубе для джентльменов на Сент-Джеймс-сквер. Кейду страшно хотелось смять газетный лист в кулаке. Он перевел взгляд на Рейфа. Неужели заметил?

– Ты меня слышал?

Светловолосая голова Кейда резко вскинулась:

– Нет. Прошу прощения?

Черт, не стоило позволять себе так отвлекаться на заголовок какой-то статьи!

– Я спросил, намерен ли ты поехать сегодня вечером в театр со мной и Дафной? – повторил Рейф.

Театр? Ах да. Времяпрепровождение аристократов, вроде тех, кем стал брат. Рейф, лучшая овца в семье, был шпионом министерства обороны во время войн с французами. Принц-регент пожаловал ему титул виконта и женил на дочери графа. Кейд же, тем временем, провел последние десять лет… за немного другими занятиями.

Кейд откашлялся, решительно отказываясь еще раз взглянуть на газету.

– Полагаю, театр – не самая худшая идея.

Рейф от удивления моргнул.

– Не заставляй меня выкручивать тебе руки. Не хочу тебе наскучить.

– Брат мой, за наши двадцать восемь лет ты наделал немало дел, но никогда не мог мне наскучить. Кроме того, я всегда счастлив проводить время с моей прекрасной невесткой.

Кейд многозначительно повел бровями.

Рейф прищурился:

– Поосторожнее!

– Где пребывает сегодня днем восхитительная леди Дафна?

Рейф снова откинулся на спинку стула и скрестил ноги.

– Встречается с кандидатками в камеристки. Ее уволилась. Перебирается на север, ближе к графству, где живет ее сестра.

– Какой ужас, – протянул Кейд.

Еще одна утомительная проблема для бедной аристократии – найти приличных слуг.

– Это не так плохо, знаешь ли, – заверил Рейф.

– Что именно?

– Иметь слуг. Деньги. Власть.

– Не сомневаюсь, – кивнул Кейд. Он остановился в новом городском доме брата, в Мейфэре. Конечно, дом их детства в Севен Дайлз не шел с этим ни в какое сравнение. – Я от души наслаждаюсь такой роскошью.

– Пока ты здесь? – спросил Рейф, не отрывая глаз от газеты. – Сколько времени прошло?

Кейд спрятал улыбку.

– Я бы сказал, почти девять месяцев, – немедленно ответил он.

Конечно, брат не знал, почему он здесь. Мало того, был шокирован, когда в прошлом году Кейд появился в городском доме графа Свифдона и представился мистером Даффином Оуклифом, одним из многих своих вымышленных имен. Рейф считал брата мертвым. Черт, все считали его мертвым. Именно так хотелось Кейду. Но он вернулся ради особенной цели. Той, смысл которой не намеревался открывать брату.

Рейф не впервые намекал, что хочет знать, как долго собирается Кейд оставаться в его доме. Но молчание было только на руку Кейду. К тому же он искренне наслаждался, на каждом шагу задевая и дразня Рейфа по поводу его молодой красавицы-жены. Пусть в прошлом Кейд был известен своими похождениями и любовными интрижками, но он никогда бы не попытался соблазнить жену брата. К счастью, Рейф это сознавал, а это означало, что Кейд может продолжать издеваться над ним.

– Да. Пока я здесь, – ответил Кейд со всей небрежностью, которую только мог изобразить.

– И долго это продлится?

– Ты меня знаешь. Остаюсь, пока мне хочется.

– Прекрасно. Тогда держи своих любовниц подальше от моего дома… и от моей жены, – ухмыльнулся Рейф.

Кейд одернул манжету и вздохнул:

– Если ты о том несчастном инциденте с мисс Джоунз, я уже сто раз извинился. Откуда я знал, что она залезет в твою постель в номере той гостиницы? Аманда понятия не имела, что у меня есть двойник.

– Да, но, возможно, держись ты в рамках приличий, никто из нас не становился бы жертвой подобных несчастных инцидентов.

– Приличий? – Кейд покачал головой: – Какое скучное слово!

Рейф пробормотал что-то неразборчивое себе под нос, а затем потер его тыльной стороной ладони.

Кейд растянул до ушей рот в улыбке. Привычка ворчать, потирая нос, была у брата с детства: верный признак того, что Кейд довел его до точки.

«Черный Лис снова наносит удар?»

В голосе Рейфа явно звучала смесь подозрительности и любопытства.

Кейд поморщился. Нужно было отбросить газету подальше, когда еще была возможность.

Рейф пристально смотрел на брата поверх газетной страницы:

– Ты слышал о нем?

– О ком? – переспросил Кейд, щелчком сбросив с рукава несуществующую пылинку.

Проклятые аристократы и их проклятая модная одежда! С тех пор, как он живет в Мейфэре, у него чуть ли не целые дни уходят на заботу о своем гардеробе.

– О Черном Лисе, – протянул Рейф.

Кейд снова вздохнул.

– Кажется, при мне раза два упоминали это имя, – пробормотал он, поправляя галстук и откашливаясь.

Рейф вскинул брови:

– Здесь говорится, что он англичанин и пират. Вчера ночью украл какой-то ценный груз с французского судна, пришвартованного в гавани.

– Это действительно так?

Кейд сделал вид, что ищет взглядом лакея, чтобы велеть тому принести еще бренди. Он отказывался смотреть в глаза брату.

Рейф встряхнул газету, желая прочесть продолжение истории.

– Здесь пишут также, что он мастер маскироваться.

Все-таки подозвав лакея, Кейд отдал свое распоряжение, после чего поудобнее устроился в кресле и пожал плечами. Почесал бровь и вопросил:

– Неужели? Как интересно! И ты его разыскиваешь?

– Ты знаешь, что я не могу обсуждать свои задания, – отрезал Рейф, по-прежнему изучая газету.

– Ах да, Виконт Шпион! Это твое новое прозвище? И все держится в строжайшей тайне?

– Полагаю, именно так.

Рейф кивком указал на газету.

– Тебе знаком какой-нибудь мастер маскировки, мистер Оуклиф?

Глава 3

Ожидая в модно обставленной гостиной виконтессы, Даньелл ла Кросс расправила юбку простого белого платья. Что ни говори, а нарядам придают

слишком большое значение. Справиться с юбками стало непосильной задачей. Сегодня она несколько раз наступала на подол и едва не падала.

От скуки Даньелл стала изучать портреты в позолоченных рамах, канделябры чистого серебра и обои, вне всякого сомнения, стоившие больше всего маленького коттеджа на побережье, на который она так долго копила деньги.

Она никогда раньше не видела ничего прекраснее обстановки этой комнаты. Крошечные фарфоровые фигурки птиц, казалось, предназначались только для того, чтобы тешить взор. Резная позолоченная шкатулка на ближайшем столе (Даньелл не могла устоять перед соблазном заглянуть в нее) содержала сухие лепестки розы, подумать только! А ковер, такой мягкий и пушистый, вызывал абсурдное желание снять туфли и погрузить в него обтянутые чулками ступни. И да, ковер был так же мягок, каким и казался. Даньелл была чрезвычайно благодарна за то, что никто не стал свидетелем столь ужасного поведения. Совершенно неприличного для порядочной камеристки английской леди. Но француженке, слишком долго жившей в нищете, дом виконтессы казался настоящим дворцом.

Даньелл редко нервничала, но сейчас она отчаянно нуждалась в этой должности. Горничная такой знатной леди, как Дафна Кавендиш, получает больше денег в неделю, чем обычные горничные за месяц. Это позволит ей остаться в Лондоне. Пока что ей не о чем больше мечтать.

Дверь гостиной открылась, и в комнату вплыла миниатюрная женщина с блестящими золотистыми волосами и наблюдательными серыми глазами. На вид ей было не больше двадцати лет.

– Пожалуйста, простите, что заставила вас ждать, – сказала она и, подметая ковер темно-розовыми юбками, подошла к Даньелл.

Даньелл поспешно вскочила и присела в идеальном реверансе, который разучивала много дней.

– Миледи…

– О, пожалуйста, – дружелюбно перебила женщина, оказавшаяся ростом чуть пониже, чем Даньелл. – Садитесь.

– Спасибо, – ответила девушка, забеспокоившись, что потенциальной нанимательнице не понравится ее французский акцент. Война закончилась два года назад, но Даньелл хорошо знала, какая неприязнь осталась между англичанами и французами.

Блондинка улыбнулась. Взгляд у нее был добрым.

– Я леди Дафна Кавендиш, – объявила она. Ее английский выговор напомнил Даньелл о матери. Сердце пронзила острая боль.

– Рада познакомиться, миледи, – ответила Даньелл, кусая губы и боясь отыскать признаки неодобрения на лице дамы.

– В агентстве сказали, что у вас прекрасные рекомендации, – заметила леди Дафна.

– Oui… то есть да.

Даньелл было противно слышать запинку в собственном голосе, но теперь, оказавшись наедине с леди Дафной, она поняла, что нервничает сильнее, чем думала. Если она не получит должность, все пропало.

Леди Дафна дернула за шнур сонетки, и в дверях появился дворецкий в дорогой ливрее. Леди вежливо попросила чая. Чай, который подают претендентке на звание камеристки? Очевидно, виконтесса хорошо обращается со слугами. Даньелл очень это понравилось. Она, наконец, свободно вздохнула. Работа в прекрасном лондонском доме – далеко не худшее, что ей пришлось пережить. Возможно, это даже будет… приятно.

– Вы раньше работали у леди Бирмингем, в Брайтоне? – спросила леди Дафна, внимательно изучая девушку.

Это ей в агентстве сказали?

– Э… да, миледи, – выдавила Даньелл, заерзав на стуле. Она не привыкла к такой… почти слежке. Обычно аристократы едва смотрели на слуг. И уж конечно, не глазели на них так пристально! Даньелл почему-то ощущала, что

леди Дафне она небезразлична. Это выводило ее из равновесия.

– И вы были вынуждены уволиться? Почему? – осведомилась леди Дафна, явно сгорая от нетерпения получить ответ.

Даньелл нервно потеребила складки юбки.

– Мне необходимо жить в Лондоне, миледи. Моя мать… больна.

Знатной леди, разумеется, была безразлична болезнь ее матери, но Даньелл сказала чистую правду, а она давно усвоила, что чем меньше уклоняется от правды, тем лучше.

– У вас прелестный французский акцент.

Даньелл моргнула трижды, прежде чем сумела найти подобающий ответ на столь удивительный комплимент.

– Спасибо, миледи. Далеко не все в Лондоне очарованы моим акцентом.

– Вздор. Война давно закончена, и каждому известно, что французы знамениты хорошим вкусом во всем, что касается фасонов платьев и причесок. Французские камеристки сейчас в большой моде в Мейфэре.

Даньелл снова моргнула. Ей следовало бы предположить нечто подобное, когда Гримальди попросил ее сыграть на французском происхождении.

– Ужасно рада слышать это, миледи, – сказала она, прежде чем снова присесть. Девушка проклинала себя за то, что сказала такую банальность, но звонкий смех виконтессы показывал, что она ничуть не сердится.

– Вы жили в Париже, не так ли?

– Да, мадам. Я там родилась.

– Почему же решили приехать в Англию?

От ответа на этот вопрос Даньелл спасло появление дворецкого с чайным подносом. Спина мужчины была прямой, как палка. Перчатки сверкали белизной. Он поставил поднос на блестящий столик розового дерева.

– Спасибо, Генри, это все.

Леди Дафна кивнула дворецкому, и тот ретировался. Однако Даньелл подметила, как улыбаются его глаза при виде хозяйки, и поняла, что он очень любит свою госпожу. Поэтому она зачарованно наблюдала, как само совершенство с прямой спиной покидает гостиную. Интересно, Генри – его имя или фамилия?

Леди Дафна разливала чай, и каждое ее движение было исполнено невыразимого изящества. Даньелл на мгновение представила себя на ее месте. Она, конечно, опрокинет чайник и побьет чашки. Конечно, она многое умеет, но изящество и грация, свойственные леди, ей не присущи. Будет чудом, если ей предложат эту должность, не говоря уже о том, что ее, вне всякого сомнения, выгонят через две недели. Но пусть все идет по порядку. Сначала ей должны предложить должность, а уж потом увольнять.

Она взяла фарфоровую чашку, протянутую леди Дафной, провела пальцем по нарисованным по краю розам. Чашка и блюдца стоили больше, чем она зарабатывала за месяц в той, прошлой жизни.

– Простите, что спрашиваю, – начала она, пытаясь остановить дрожь рук. Не дай бог, прольет чай на безупречно чистый ковер! – Что именно вы ищете в камеристке?

Леди Дафна замерла, не успев поднести чашку к губам.

– Меня еще никогда не спрашивали об этом так прямо, – рассмеялась она.

Даньелл мысленно прокляла себя. Ей не стоило задавать подобные вопросы. Леди Дафна может посчитать ее чересчур дерзкой.

– Я слышала, что французы – люди откровенные, и мне это нравится, – продолжала леди Дафна.

Даньелл удивленно приоткрыла рот.

– Правда?

– Именно так. Мы, англичане, часто слишком учтивы, что нам же и вредит. Вот, например, что вы думаете о моих волосах?

Колокола тревоги зазвенели в ушах Даньелл. Она поднесла чашку к губам и сделала большой глоток, раздумывая, как ответить на столь деликатный вопрос. Волосы леди Дафны были чудесного цвета, и сама леди – красавица, но прическа показалась девушке старомодной и не оттенявшей ее прелестные черты.

– Я так восхищаюсь вашим узлом волос! – продолжала леди Дафна. – Мне никогда не удается добиться такой прически! А мисс Андерсон… Что же, она была весьма милой, но боюсь, не слишком умела укладывать волосы!

– Мисс Андерсон?

Еще немного времени выиграно!

– Моя бывшая камеристка.

Даньелл поставила чашку и потерла ладони, решив, что лучшим ответом на вопрос леди Дафны будет отсутствие ответа. Даньелл была не из тех, кто тратит время на укладку волос или носит модную одежду, но полагала, что, поскольку выросла во Франции, обладает, как большинство француженок, врожденными вкусом и чувством стиля. Стоит поблагодарить тетушку Мадлен за то, что многому ее научила.

– Хотите, я покажу вам мою любимую прическу? – спросила она, заговорщически улыбаясь леди Дафне.

– Разумеется, – тоже улыбнулась та.

Даньелл поднялась и поспешила встать за спинку стула леди. Наконец-то, она хоть на что-то пригодилась.

Девушка вынула шпильки из светлых локонов, стараясь не дергать за волосы. Длинные пряди волос виконтессы рассыпались по плечам. Потом она разделила волосы на прямой пробор и свернула сначала одну половину, потом другую. Свела обе половины вместе и перевила их, уложив в не тугой узел на затылке. Закрепила прическу шпильками и взмахнула рукой:

– Volia[4 - Вот! (фр.)]!

Ее немедленно охватила паника. Даньелл прикусила губу и огляделась. А вдруг леди Дафна ужаснется тому, что ей делали прическу днем, да еще и в гостиной?! Неужели она все испортила?

Дафна встала, потрогала затылок, проверяя новую прическу.

– Что же, по крайней мере, быстро.

Встав, она подошла к буфету, где висело зеркало. Долго изучала свое отражение, сначала правую сторону, потом левую.

– Положительно, очаровательная прическа! И что мне нравится больше всего – не пришлось сидеть целый час, пока вы втыкаете в меня булавки. Это я не выношу!

Слава богу! Она не сердится!

Даньелл уставилась в пол, чтобы скрыть легкую, гордую улыбку.

– У такой леди, как вы, должно быть, есть дела поважнее, чем ждать полдня, пока ей сделают прическу.

– Совершенно верно.

Леди Дафна повернулась к ней лицом, улыбаясь и все еще приглаживая узел на затылке.

Дверь гостиной открылась, и на пороге появился высокий, стройный, очень красивый блондин с голубыми глазами и ямочкой на подбородке. Даньелл

многое узнала об этой семье. Например, что леди Дафне не нравится проводить много времени за туалетом. Что муж миледи во время войны был знаменитым шпионом, известным, как Виконт Шпион. Вот только она не знала, как он красив. Ничего не скажешь, леди Дафна настоящая счастливица.

Даньелл настороженно следила за каждым его движением. Он едва заметно прихрамывал на левую ногу, легкая сеть морщинок вокруг губ указывала на боль, которую виконт испытал в прошлом. Возможно, много боли. И все равно он двигался легко, бесшумно, и она подумала, что когда-то этот человек и впрямь был непревзойденным шпионом.

Она села прямее. Одобрит ли он кандидатку на должность личной горничной жены? Может быть, он из тех мужчин, которые любят принимать за супругу все решения?

– О, Дафна, я не хотел мешать. Просто ищу…

– Рейф, вот и ты! Познакомься, это мадемуазель ла Кросс. Мадемуазель, это мой муж, лорд Рафферти Кавендиш.

У мужчины хватило вежливости прервать свои поиски и дать знать кивком, что он заметил ее присутствие. Даньелл повернулась и низко присела. Он снова кивнул и тут же принялся искать то, за чем пришел.

– Как тебе нравится то, что она сделала с моими волосами? – улыбнулась Дафна, повернувшись, чтобы муж увидел новую прическу.

Муж улыбнулся в ответ, и на его щеке появилась симпатичная ямочка.

– Дафна, дорогая, твои волосы могли бы представлять собой крысиное гнездо, и все же ты выглядела бы первой красавицей в мире.

Парочка обменялась взглядами, из которых стало ясно, как они преданы друг другу. Такие красивые, счастливые, молодые…

Даньелл тихо вздохнула. Как редко встречаются подобные пары!

Встав, она подошла к маленькому столу рядом с дверью.

– Мадемуазель ла Кросс предъявила превосходные рекомендации, – добавила леди Дафна.

– Рад это слышать.

Лорд Кавендиш похлопал себя по карманам и продолжил шарить в буфете.

– Она почти не потратила времени на мою прическу. Поразительно!

– Звучит неплохо.

Лорд Кавендиш обратил взор на стол перед их креслами и принялся искать там.

Даньелл сунула руку под газету, лежавшую на столике, рядом с которым она стояла. «Черный Лис снова наносит удар», – гласил заголовок. Она быстро схватила предмет, который заметила со своего места, и повернулась.

– Вы не это ищете, милорд? – спросила она, протягивая виконту золотые часы.

Тот остановился, выпрямился и широко открыл глаза.

– Собственно говоря, да. Где они были?

– Здесь. Под газетой.

– Боже. Даньелл, я даже не слышала, как вы встали! Ходите, как кошка, – покачала головой леди Дафна. – И вы увидели часы с того места, где сидели?

– Всего лишь догадка, – пояснила Даньелл в надежде, что леди Дафна не придаст слишком большого значения ее способности отыскивать вещи. – Я заметила, что вы похлопали себя по карманам, и предположила, что вы ищете что-то маленькое, что обычно носите с собой.

Лорд Кавендиш прищурился и тоже улыбнулся:

– Так оно и есть. Спасибо.

Леди Дафна подбоченилась:

– Полагаю, вам удалось дважды произвести на нас впечатление. Мой следующий вопрос: когда вы сможете приступить к работе?

Глава 4

Театр был не из тех развлечений, которые занимали воображение Кейда. Он предпочитал прокуренный, забитый людьми игорный дом или выпивку до утра в кабачке, заполненном женщинами, продающими свою благосклонность за деньги. С которыми можно переспать и забыть об этом наутро. Но сегодня он сделал исключение. Брат просил его поехать, да и Дафна разве что не умоляла. Большую часть прошлого года – с тех пор, как он бесцеремонно ввалился в их дом, – они старались сделать из него респектабельного джентльмена. И даже были готовы забыть скандал с Амандой Джоунз, ставший скорее семейной шуткой, чем поводом стыдиться. Но все равно, разве возможно сделать из Кейда респектабельного джентльмена?! Вряд ли это удастся, черт возьми! Но он восхищался их стараниями и в редких случаях, вроде сегодняшней ночи, шел на уступки.

Кейд, разумеется, был в городе по своим причинам, которые только сейчас начинали оправдываться. Сегодня утром, в клубе, когда Рейф увидел газету и упомянул имя Даффина Оуклифа, в желудке Кейда все перевернулось. Сколько всего брат знает о нем?

Вот Рейф был респектабельным членом высшего общества, служащим министерства обороны, и на его образ жизни и саму жизнь могли повлиять дела и проблемы брата. Кейд жалел, что не может поделиться своими секретами с Рейфом, но так будет правильнее. Рейфу не должно ничего грозить. Чем меньше он знает, тем лучше.

Целью жизни Кейда было отомстить за все, что претерпел брат в руках французов. Но он скорее умрет, чем признается в этом Рейфу. К тому же Кейд

давно смирился со своей ролью паршивой овцы в семье.

В любом случае, брат любезно позволил ему остаться в его доме. Поэтому Кейд просто обязан попытаться делать то, что ожидает от него виконт. Даже если эти занятия будут чертовски утомительными. Вроде посещения театра.

Все трое вошли в личную ложу Рейфа. Кейд так и не привык к тому, что многие люди называют его близнеца Рейфа милордом и с недоумением переводят взгляд с одного брата на другого. Когда Кейд находился за пределами Лондона, никто не принимал его за родственника Рейфа. Кроме одного случая. В Лондоне же это происходило ежедневно, а иногда и ежечасно. Правда, когда они были вместе, на них, конечно, глазели, но никто не задавал назойливого вопроса.

– Что ты думаешь о Даньелл? – спросила Дафна мужа, садясь в переднем ряду.

– А я должен что-то о ней думать? – удивился Рейф. – Она чертовски помогла мне с карманными часами, нужно отдать ей должное. У этой женщины зоркий глаз.

– Кто такая Даньелл? – спросил из вежливости Кейд. Все это время он исследовал взглядом сидевшую в партере публику. Здесь ли человек, с которым он позже должен встретиться?

– Моя новая камеристка. Я наняла ее сегодня, – пояснила Дафна, посылая Кейду сияющую улыбку. Подобно Рейфу, она была умна, любезна, сердечна и полна надежд. Какой контраст с Кейдом! Кейд был слишком хорошо знаком с темной стороной этого мира. Надежду и сердечность лучше оставить людям, испытавшим в жизни больше радости, чем боли. Но он был искренне рад, что брат нашел свое счастье, хотя понимал, что подобное никогда не случится с ним самим. Любовь не для людей вроде него. Это брат был способен на глубокое чувство, верность, ответную любовь и неравнодушие.

Кейд тоже мог отвечать на любовь, скажем, на протяжении одного чрезвычайно приятного вечера, но требовать преданности на более долгий срок – это уже слишком. Нет, он ни в коем случае не предназначен для порядочной маленькой аристократки, вроде Дафны. Его, скорее, можно назвать ценителем дам, любивших дарить и принимать наслаждение, не задавая лишних вопросов о том, чего от него ждать утром. Именно это Кейд и предпочитал. Клятвы верности, титулы и лондонские дома причитаются брату, примерному сыну их семьи.

А паршивая овца Кейд будет находиться в городе, пока не получит необходимую информацию. Это уже заняло куда больше времени, чем он предполагал, а модная одежда и необходимость притворяться светским джентльменом действовали на нервы. Но в конце концов все образуется. Газеты разыскивали Черного Лиса, и Кейд договорился о свидании с человеком, с которым собирался потолковать. Скоро все решится. А потом он уедет туда, где ему самое место, то есть куда угодно, кроме Лондона.

– Она француженка, – пояснил Рейф.

– Кто именно? – спросил Кейд, все еще оглядывая огромную толпу, едва поместившуюся в театре.

– Моя новая камеристка, – ответила Дафна, расправляя пунцовые юбки. – Вы хотя бы слышите меня? Рейф? Мне нравится, что она француженка. Только взгляните, какую чудесную прическу она мне сделала!

Она кокетливо повернула голову, давая братьям полюбоваться.

– Ты знаешь, что я небольшой почитатель французов, – ответил Рейф. Горечь сделала его голос резким.

Кейд сжал кулаки. Он знал причину этой горечи. Во время войны Рейфа и брата Дафны Дональда, тогдашнего графа Свифдона, послали во Францию, выполнить одну из многочисленных миссий. Их поймали и подвергли пыткам. Дональда убили. Кейд знал, что больше всего на свете Рейф сожалеет о том, что не смог спасти брата любимой женщины.

Дафна и остальные друзья знали подробности и не винили Рейфа, особенно после того, что ему пришлось вынести. Произошло чудо, Рейфу удалось бежать. В прошлом году он вернулся, чтобы найти людей, которые пытали его и убили Дональда. С помощью Дафны он добился, чтобы почти все предстали перед судом. Кейд, вернее Даффин Оуклиф, знал даже больше брата о том, кто стоял за поимкой и пытками Рейфа. И французы за все заплатят, причем скоро.

– Она жила в Париже и разбирается в последних модах и прическах, – добавила Дафна.

– А, да, моды и прически куда важнее войн, – хмыкнул Рейф.

– Даньелл не имеет ничего общего с войнами, – подчеркнула Дафна. – Правда, Рейф.

– Согласен с твоей женой, – кивнул Кейд. – Вряд ли можно затаить зло на ни в чем не повинную камеристку.

Правда Кейд уже не доверял этой женщине.

– Откуда мы знаем, что ей можно доверять? – вторил его мыслям Рейф, хотя при этом улыбался.

Дафна закатила глаза.

– У меня нет причин подозревать, что она тайный агент французов. Ради всего святого! Она камеристка с превосходными рекомендациями.

– Французскими?

– Нет. Прекрасные, солидные английские рекомендации. В жизни не встречала такой подозрительности, как у тебя, – фыркнула Дафна.

– Дорогая, стоит ли напоминать тебе, что я шпион? – отпарировал Рейф, весело блестя глазами.

– Наоборот, – вмешался Кейд, – во мне подозрительности больше. Ты просто не знаешь меня достаточно хорошо.

– Вот с этим я согласен, мистер Оуклиф, – заметил Рейф.

– Да, ты ничего не рассказал нам, – согласилась Дафна. – Почему ты назвался этим именем, когда приехал в город в прошлом году?

– Потому что у брата больше псевдонимов, чем у шпиона, – подсказал Рейф.

– Вздор.

Кейд поправил галстук.

– Отрицаешь, что у тебя много вымышленных имен?

– Нет. Я отрицаю, что у меня больше вымышленных имен, чем у шпиона. Полагаю, мы равны.

– Но почему они вообще у тебя есть? – допытывалась Дафна.

– Не спрашивай, Дафна. Я сам предпочитаю не знать. Боюсь, что, знай я о своем брате все, пришлось бы отволочь его в Ньюгейт, – процедил Рейф и, устроившись в кресле, стал смотреть перед собой.

Кейд мгновенно вспомнил заголовок газетной статьи и снова содрогнулся, но упрямо продолжал молчать, пока Дафна, повернув голову, смотрела на него.

– Прекрасно, – сказала она наконец. – Я тоже предпочитаю не знать.

– Так лучше, – согласился Кейд, более чем готовый сменить тему. – Но почему речь идет обо мне? Разве мы не говорили о новой горничной-француженке? Сколько ей лет?

– Я бы сказала, лет двадцать пять.

– Она хорошенькая?

Француженка или нет, но Кейд всегда ценил красивых женщин.

Рейф и Дафна дружно оглянулись. У Дафны был встревоженный вид. Рейф был мрачен, как туча.

– Даже не думай пытаться соблазнить бедную молодую женщину! Попробуй только взглянуть в ее сторону, и я выброшу тебя из дома! – предупредил он.

Кейд ухмыльнулся и поправил манжету.

– До чего ты чувствителен, дорогой братец! Судя по твоей реакции, она хорошенькая.

Дафна скрестила руки на груди:

– Пожалуйста, Кейд, не испытывай своего легендарного обаяния на Даньелл. Мне не хватало только скандала в моем доме!

– Я всего лишь спросил, хорошенькая ли она.

Кейд заерзал в кресле, но не смог согнать с лица улыбку. На этот раз он сильно их допек. Должно быть, мадемуазель весьма смазлива. Ему не терпелось с ней встретиться.

Рейф снова прищурился.

– Не думай, будто я не знаю, что ты вытворял с одной из горничных среди ночи в поместье Монро во время нашего свадебного праздника.

– Ты об этом слышал? – поежился Кейд.

– Какой позор, – фыркнул Рейф. – Мне пришлось извиняться перед Монро.

Кейд содрогнулся:

– Не пойму, что тут позорного? То, что происходит по обоюдному согласию между взрослыми людьми, не должно тебя касаться.

– Даньелл показалась мне славной девушкой. Пожалуйста, нам не нужны скандалы, Кейд.

– Мне бы и в голову такое не пришло, – оправдывался Кейд с самым невинным видом.

– Еще как пришло бы, – покачала головой Дафна. – У тебя уже глаза искрятся.

– Но что я могу с этим поделать? – быстро заморгал он.

– Когда его глаза блестят, значит, он замышляет какую-то проделку.

Братья обменялись изумленными взглядами.

Кейд потер подбородок.

– Пусть даже так. Но единственное, чем я занимался вместе с горничной в доме Монро, это…

– Пожалуйста, пощади нас, – поднял руку Рейф.

Кейд снова пожал плечами:

– Прекрасно, предоставляю остальное вашему воображению.

Заиграла музыка. Огромный занавес раздвинулся, и началось представление. Кейд старательно смотрел на сцену почти четверть часа, прежде чем снова заерзать в кресле. Он никогда не мог усидеть долго на одном месте. Нужно выйти и выкурить сигару.

Он выскользнул из ложи Рейфа и Дафны, прошагал по устланному ковровой дорожкой коридору в вестибюль, толкнул высокие двойные двери и вышел во двор перед театром. Закурил сигару и только успел выпустить клуб дыма, как мимо пробежал уличный оборванец, едва не сбив его с ног.

– Эй, ты, поосторожнее! Смотри, куда бежишь!

Но мальчик не остановился и скоро исчез за углом большого здания.

Кейд опустил глаза и смахнул пепел с безупречно сшитого фрака. Его внимание привлек белый комочек рядом с сапогом. Комочек оказался сложенным листком бумаги. Он нагнулся, схватил записку и прочитал:

«Встречаемся в переулке за театром. Сейчас».

Кейд огляделся. Никто вроде бы не следил за ним. Он увидел только гуляющие пары. Несколько мужчин, подобно ему, курили. Чуть подальше стояли экипажи, охранявшиеся кучерами.

Он швырнул сигару на гравий, придавил подошвой и направился к углу здания, пристально вглядываясь в темноту. Он уже обогнул театр и шел вдоль его заднего фасада, когда из мрака выскочил мужчина и с силой ударил Кейда в лицо.

Глава 5

Пение? Неужели это пение? Мужской… голос?

Даньелл оторвала взгляд от работы. Она стояла у гардероба леди Дафны, куда весь вечер складывала дорогое нижнее белье, прелестные кружевные платочки и роскошные мягкие, как масло, перчатки.

Работа успокаивала. Хорошо приводить вещи в порядок, ни о чем не думая. Здесь она чувствовала себя главной: совершенно незнакомое чувство. Хозяйки и его мужа не было несколько часов. Леди Дафна сказала, что они едут в театр и, казалось, была чрезвычайно довольна прической, которую сделала Даньелл. Еще одно произведение искусства, созданное всего за несколько секунд. Как раз то, что нужно миледи. Леди Дафна сердечно поблагодарила Даньелл и попросила чувствовать себя как дома. Представила ее другим слугам, включая чрезвычайно дружелюбную горничную Мэри, очень заботливых и энергичных лакеев Тревора и Найджела и экономку миссис Хаклберри. Последняя показала Даньелл ее комнату на четвертом этаже, рядом с комнатами других служанок. Все казались крайне любезными, и никто не наговорил ей грубостей, узнав о ее французском происхождении. Какое облегчение!

После общего для слуг обеда, состоявшего из томатного супа и сыра с хлебом, Даньелл вернулась наверх, чтобы пересмотреть вещи леди Дафны. Теперь обязанности Даньелл состояли в том, чтобы каждый предмет одежды был

чистым, заштопанным или подшитым при надобности и лежал на своем месте. Очевидно, мисс Андерсон была очень ленива, потому что все вещи были сунуты в ящики комода как попало и даже не сложены. Какой кошмар! Даньелл принялась энергично все разбирать.

Она проработала почти час, когда услышала пение. Уверенная, что, должно быть, ошибается, она приставила ладонь к уху. Пение становилось громче: очевидно, поющий поднимался по лестнице. Может, кто-то из лакеев напился?

Она на цыпочках подошла к двери спальни и осторожно выглянула.

На ковровую дорожку коридора упала огромная тень. Она увидела светловолосую макушку еще до того, как разглядела все остальное. Голос мужчины был низким и сильным. Похоже, этот человек был счастлив, хотя явно находился под хмельком.

Даньелл хихикнула, но тут же зажала рот рукой.

Когда мужчина вышел из тени и встал на верхней площадки лестницы, она охнула. Это оказался не кто иной, как лорд Кавендиш.

Где же леди Дафна?

Даньелл зачарованно наблюдала, как он продолжал идти по коридору. Мужчина миновал дверь спальни леди Дафны, не заметив девушку. Под заплывшим глазом красовался огромный синяк, а с кулака – о боже! – капала кровь.

Девушка снова зажала рот ладонью – на этот раз, чтобы он не услышал испуганного возгласа. Но он прошел не только мимо двери жены, но и мимо своей спальни.

Даньелл уже осмотрела его комнату, позволив себе вольность открыть смежную со спальней леди Дафны дверь, и поняла, что супруги спят в соседних покоях. Сейчас лорд Кавендиш вошел в спальню на противоположной стороне коридора. Неужели он настолько пьян, что забыл, где живет? Как ему будет стыдно, когда он проснется и обнаружит, что попал не туда! И леди Дафна будет унижена, не зная, где ее муж.

Даньелл прикусила губу. Может, побежать рассказать все миссис Хаклберри? Или сообщить одной из горничных, пусть она все уладит? Или лучше пробраться в комнату и сказать хозяину, что он попал в чужую спальню?

Но она была не из тех, кто упускает столь отличную возможность. Нужно побольше узнать о хозяевах, пока она еще здесь.

Даньелл на цыпочках вышла из комнаты леди Дафны и поспешно зашагала по коридору, чтобы заглянуть в ту спальню, куда вошел лорд Кавендиш.

Он оставил дверь широко открытой. На каминной доске и около кровати стояли горящие свечи.

– Милорд! – тихо позвала она.

Сначала он не услышал. Мужчина сидел на кровати и дергал за сапог, пытаясь его снять. Где, во имя неба, его камердинер?

– Милорд! – снова окликнула она, на этот раз громче.

Он вскинул голову и прищурился, стараясь ее разглядеть.

– Кто это?

Она остановилась на пороге:

– Это я, милорд.

– Ради всего святого, не зови меня милордом. Не выношу этого, – пробурчал он, вновь принимаясь возиться с сапогом.

– Милорд, видите ли… вы… возможно, вы не поняли… то есть вы сейчас…

– Вы горничная? – прогремел он.

– Да.

Возможно ли, что он успел позабыть их дневную встречу? Учитывая его нынешнее состояние, это более чем возможно.

– Если вы горничная, пожалуйста, выполните свою работу и помогите мне с этими сапогами!

Черт! Этот человек ужасно властен! По крайней мере когда пьян.

– Возможно, лучше снять сапоги в вашей комнате? – предложила она.

– Я в своей комнате.

Он ухитрился сорвать сапог и швырнуть его на пол рядом с кроватью.

У Даньелл был опыт споров с пьяным. Большой опыт.

– Прошу прощения, милорд, вы ошибаетесь, – настаивала она.

– Тихо, женщина! – Он закрыл ладонями уши. – Вам кто-нибудь говорил, что вы слишком громко кричите?

Боже!

Терпение девушки лопнуло. Хозяин он или нет, но она не позволит себя оскорблять! Бедная леди Дафна! Неужели Даньелл только сегодня днем считала, что ее новой хозяйке повезло получить такого мужа? Пусть у него лицо греческого бога, но на самом деле он пьяный осел!

– Вам кто-нибудь говорил, что вы очень грубы?

Это замечание было встречено ухмылкой:

– Бесчисленное количество раз.

– И?

– Я предпочел ничему не верить, – отрезал он, по-прежнему ухмыляясь. – А теперь либо помогайте, либо уходите!

Даньелл сжала кулаки и уперлась ими в бедра. Ей очень хотелось оплеухами вбить толику разума в пьяную голову хозяина, но возобладал здравый смысл. Нельзя, чтобы ее выставили в первый же день. Особенно за то, что делать совсем не обязательно! Не может же она, в самом деле, дать оплеуху своему нанимателю.

Это было бы чрезвычайно дурным тоном, как любят говорить англичане. Нет, ее выгонят завтра за незнание того, что белые лайковые перчатки не подходят к отделанному мехом платью или что желтые ленты для волос никогда не носят по средам. За что-нибудь совершенно абсурдное. Но ей нужна эта работа. Очень. Ладно, она поможет этому болвану с сапогом. Возможно, тогда он прислушается к ее увещеваниям, когда она снова объяснит, что он вошел в чужую комнату.

Она подошла, встала на колени и вцепилась в сапог, пока лорд старался его стянуть. Он пыхтел и дергал. Ничего не выходило.

– Может, попробовать с этой стороны? – предложил он, показывая на носок сапога.

Лицо девушки пылало (а это было ей совсем не свойственно). Даньелл поднялась, оседлала сапог и стала тянуть его обеими руками. Ей очень хотелось поскорее снять сапог, увести хозяина, уложить в постель в его собственной спальне и покончить со всем этим неприятным делом.

– Дергайте! – скомандовала она.

Он так и сделал. Сапог свалился на пол. Мужчина плюхнулся на кровать, а она отлетела назад, прямо ему на колени.

– Спасибо, – выдохнул он, придерживая руками ее бедра. Ягодицы девушки совершенно неприличным образом прижимались к его ногам.

– Вы слишком громогласны и немного чересчур любите командовать, но я не возражаю против этих сторон вашего характера, – объявил он.

– Voux pouvez etre tres beau, mais vous etes un ane complet[5 - Несмотря на то, что он удивительно красив, этот человек полный осел (фр.).], – пробормотала она.

– Вы считаете меня красивым? – донесся до нее слишком уверенный голос. – Мадемуазель, я польщен!

Она повернула голову и окинула его яростным взглядом.

– Если вы поняли первую часть, значит, без труда поймете вторую, мсье!

Ну вот и все. Ее точно уволят! Кроме того, она сама не останется в доме, хозяин которого ведет себя столь непристойно. Конечно, она вполне владеет собой и может управлять ситуацией, но Даньелл очень сомневалась, что быстрый тычок в ребра человека, который платит ей жалованье, приведет к чему-то, кроме немедленного увольнения.

За спиной кто-то громко ахнул. К своему ужасу девушка увидела леди Дафну в ярко-розовом шелковом платье, которое сама помогала ей сегодня надеть.

Даньелл кое-как сползла с коленей лорда и встала.

– Миледи, вы должны мне поверить. Я не хотела…

Даньелл осеклась и охнула. Рядом с леди Дафной в дверях возник не кто иной, как лорд Кавендиш!

Даньелл оглянулась на человека, на чьих коленях только сейчас сидела, а потом уставилась на его копию, возвышавшуюся в дверях. Что происходит? Как это может…

Стоп. Теперь, когда она присмотрелась, ей стало видно, что у человека, сидевшего на кровати, волосы длиннее и загорел он больше, чем лорд Кавендиш. Да и взгляд куда более лукавый! Ее отвлек вид синяков и крови, иначе она наверняка заметила бы разницу.

Леди Дафна сумела первой обрести голос:

– Мне ужасно жаль, Даньелл. Позвольте мне первой извиниться за поведение моего деверя. Он брат-близнец моего мужа.

Глава 6

Брат-близнец?!

Даньелл ничего не могла с собой поделать и с широко раскрытым ртом продолжала переводить взгляд с одного мужчины на другого.

Леди Дафна спокойно вошла в комнату и, взяв Даньелл за руку, оттащила от кровати. Ее красивые серые глаза метали молнии в сторону деверя.

– Кейд! – воскликнула леди Дафна с таким видом, будто вот-вот топнет ногой. – У вас есть что сказать Даньелл?

Кейд? Так его имя – Кейд?

– Конечно, мне есть что сказать, – ухмыльнулся Кейд.

Леди Дафна сложила руки на груди. Взгляд ее по-прежнему был разъяренным.

– Да?

Кейд встал, одернул лацканы пыльного порванного фрака и поклонился:

– Мадемуазель Даньелл, у вас самые соблазнительные бедра из всех, что я когда-либо встречал.

С этими словами он повалился на спину и захрапел, несмотря на то, что его рука по-прежнему кровоточила.

Даньелл невольно сжала губы, чтобы скрыть улыбку. Этот человек просто возмутителен! Теперь, когда она поняла, что это брат лорда Кавендиша, ее

положение казалось ей не настолько ужасным. Он грубиян и осел. И поведение его непристойно. Но она всегда умела справляться с наглыми гостями.

Леди Дафна охнула и окинула мужа взглядом, призывающим угомонить родственника, прежде чем она убьет его голыми руками.

– Он ранен, – сообщила Дафна, показывая на руку месье Кейда и пытаясь ослабить напряжение.

– В кабацкой драке, вне всякого сомнения, – бросил лорд Кавендиш, подходя к кровати и рассматривая пьяного брата. Затем он покачал головой и повернулся к Даньелл: – Не могу найти слов, чтобы извиниться за его непристойное поведение.

– Пожалуйста, Даньелл, не покидайте нас из-за него, – попросила леди Дафна. – Я обещаю поговорить с ним завтра же и потребую от него клятву больше никогда не обращаться с вами столь неприличным образом.

– Я увидела его в коридоре, истекающего кровью, и подошла, чтобы обработать рану. Приняла его за вас, милорд.

Даньелл, покраснев, кивнула в сторону лорда Кавендиша.

Леди Дафна залилась румянцем:

– Ну, разумеется. Вполне понятная ошибка. Но поверьте, мой муж просто не способен так себя вести. Его брат приехал в Лондон и остановился у нас. Можно сказать, что эти двое… очень разные.

– Это слабо сказано, – добавил лорд Кавендиш.

Даньелл глянула на храпевшего на постели мужчину.

– Он… женат?

Она надеялась, что рассерженная жена не ворвется сюда, чтобы потребовать ответов.

– Нет!

Леди Дафна казалась возмущенной таким вопросом.

– У него манеры портового грузчика! Ни одна порядочная женщина не захочет такого мужа!

– Я встречала мужчин и похуже, – рассмеялась Даньелл.

Леди Дафна вгляделась в ее лицо и сочувственно улыбнулась:

– Я не подумала об этом, но, может, именно потому вам пришлось уйти от леди Бирмингем? Кто-то повел себя неподобающе?

– Нет. Не там. Но в прошлом… бывали случаи. Я привыкла отбиваться от пьяных болванов.

– Но здесь вам не придется этого делать, – вмешался лорд Кавендиш. – Даю слово. Если вы останетесь, мой брат в вашем присутствии будет вести себя, как приличествует джентльмену.

– Ничего страшного не случилось, милорд. – Все трое направились к двери. – Как уже было сказано, я способна постоять за себя.

– Вне всякого сомнения, – кивнула леди Дафна. – Тем не менее я снова приношу свои извинения.

Прежде чем за ними закрылась дверь, Даньелл бросила последний взгляд на распростертого на кровати человека. Впервые увидев лорда Кавендиша, она была застигнута врасплох его внешностью. Теперь их двое?

Она пригладила волосы. Возможно, роль горничной знатной леди из Мейфэра имеет свои преимущества.

Глава 7

Кейд со стоном сел. Пульсирующая боль в левой руке напомнила ему о том, что вчерашняя ночь прошла не совсем так, как он планировал.

Тяжело дыша, он откинулся на изголовье кровати. Оказалось, что он так и спал во фраке.

Он глянул на руку. Она была замотана белой полотняной тряпкой. Кто это сделал, черт возьми? Только не он. Бывали у него ранения и тяжелее.

Он осторожно потрогал челюсть. Черт! Этот ублюдок едва ее не сломал. Кровавая каша, оставшаяся от незнакомца, свидетельствовала о том, что хотя неизвестный враг успел нанести пару ударов, Кейд выиграл поединок. Единственная проблема заключалась в том, что он настолько безжалостно избил незнакомца, что тот потерял сознание, и допросить его было невозможно. Кейд обыскал его карманы, но нашел лишь щепотку нюхательного табака, остаток бумаги, на которой была написана записка, и карманные часы. Для ровного счета он еще раз пнул негодяя, швырнул часы ему на грудь и отправился на условленную встречу с человеком, назначенную в кабачке, недалеко от того места, где находился театр.

Кейд ломал голову, пытаясь вспомнить, что было вчера. Он выпил едва не бутылку виски, пытаясь приглушить боль в руке и лице, возможно, спел несколько неприличных песен и вернулся домой в весьма пристойный час – по крайней мере, по его меркам. Так почему его рука перевязана?

Он снова попытался разбудить уснувшую память. Ничего не вышло.

Дверь спальни приоткрылась, в проеме возникло очаровательное женское личико с ярко-синими глазами, обрамленными черными ресницами. Девушка неуверенно моргнула.

– Вы проснулись? – раздался голос с определенно французским акцентом.

– Вы ждали, пока я проснусь? – откликнулся мужчина, равным образом развеселившийся и сбитый с толку.

Дверь широко распахнулась, очевидно, француженка бесцеремонно толкнула ее ногой, потому что в руках у нее был серебряный поднос.

– Я сказала Мэри, что принесу это вам наверх.

– А, Мэри… погодите. Кто такая Мэри?

Он снова потрогал челюсть.

– Одна из горничных. Разве вы ее не знаете?

– Не знаю. И как ни неприятно упоминать об этом, я и вас не знаю. Надеюсь, что на этом подносе стоит кофейник.

Девушка недоуменно заморгала, и он, подняв глаза от забинтованной руки, впервые присмотрелся к ней. Господи боже! Кто это создание? Прямые черные волосы падали ниже плеч. Яркие кобальтовые глаза глядели на него из-под смоляных ресниц. Рот был слишком большим, чтобы считаться красивым, но темно-розовые губы так и притягивали взор. Щеки словно яблочки, фигура стройная, но соблазнительная, но его внимание привлек ее взгляд. Она походила на любопытную лесную дриаду, которую можно спугнуть любым резким жестом. Но он не хотел ее спугнуть. Ни за что.

– Вы не помните? – сокрушенно спросила она.

Подобные слова он часто слышал от красивых женщин после пьяных ночей. Только эти женщины обычно лежали в его постели. По правде говоря, все это было даже не в двадцатый раз. Но он надеялся, что не наделал чего-то постыдного, особенно в роскошном доме его брата.

– Вчера вы были очень пьяны.

Она подошла поближе и поставила поднос ему на колени.

– И я принесла кофе.

Ему стало немного стыдно. Зря он потребовал кофе таким тоном. В конце концов, она не его служанка.

Кейд опустил глаза на поднос. Два сухих тоста, кофейник и маленький стакан с чем-то зеленоватым, что он не мог определить.

– Мой отец иногда слишком много пил.

– В этом у нас много общего, – протянул Кейд. – Не помню, чтобы мой отец за всю свою жизнь хоть день был трезвым.

– Вот это отец любил пить по утрам, – продолжала она.

– Что это?

Он поднял стакан с зеленоватым содержимым.

– Зеленый эликсир, – с улыбкой ответила девушка. – По крайней мере, так его называл отец.

– Из чего он состоит?

– Смесь трав и бренди.

Кейд поднес стакан к носу:

– Пахнет омерзительно.

– Зато сразу почувствуете себя лучше.

Мужчина выгнул брови:

– Откуда вы знаете, что я плохо себя чувствую?

– Хм… потому что не помните, кто я и что мы встречались прошлой ночью.

Кейд поежился:

– Как я вел себя? Плохо?

– Отвратительно.

Но улыбка противоречила ее словам.

– Я пел?

– Да. Много.

– Прошу меня извинить.

– Не стоит. Ваш брат и леди Дафна уже сделали это за вас.

Он со стоном ущипнул себя за переносицу.

– Проклятье! Только этого недоставало. Теперь Рейф снова начнет меня укорять.

– Он вас не одобряет?

– Разве порядочная овца будет одобрять дурную.

Девушка нахмурилась:

– Не пойму, о чем вы. Le mouton noir[6 - Черная овца? (фр.)]?

– Это английское выражение, – ответил он, с подозрением разглядывая содержимое стакана.

– Паршивая овца? Что это означает?

Он надул щеки:

– Так говорят о человеке, позорящем семью.

– И вы – паршивая овца?

– В своей семье? Да.

– А лорд Рейф – овца порядочная?

– Да. Безупречная.

Она рассмеялась. Кейд был очарован и, смело поднеся стакан к губам, одним глотком выпил его содержимое, моментально обжегшее горло. Он поперхнулся:

– Какого дьявола?! Что это за травы? Бренди никогда не имел такого гнусного вкуса, даже по утрам.

– Подождите немного, – посоветовала девушка и плотно сжала губы. Как подозревал Кейд, она старалась удержаться от смеха.

Мужчина поскорее глотнул кофе, чтобы перебить горечь. Но даже ему пришлось признать, что через несколько секунд комната перестала вертеться перед глазами, а жжение в желудке улеглось. Видит бог, он почувствовал себя лучше.

– И как? – спросила горничная со своим очаровательным французским акцентом. – Все в порядке?

– Да. Кажется, зелье излечило меня.

Она взяла его пораненную руку, и Кейда словно молнией поразило. Когда на него таким образом действовало обычное прикосновение?

Прежде чем он успел запротестовать, она ловко развернула повязку и объявила:

– Воспаления нет.

Движения большого пальца, чертившего круги на его ладони, неожиданно воспламенили Кейда. На лбу выступил пот. Он наскоро вытер лоб рукой. Должно быть, это действие эликсира. Одному богу известно, что туда намешали.

– Рана начала затягиваться, – продолжала она.

– Полагаю, за это стоит благодарить вас, – ответил он, когда она осторожно забинтовала его руку. Он неохотно освободился.

– Не могла же я позволить вам залить кровью простыни.

Кейд откашлялся:

– Хм. Вряд ли мы говорили о том, насколько неприлично для вас оставаться в моей спальне. Увы, я, к вечному сожалению брата, отказываюсь нанять камердинера.

Она ответила гортанным смехом:

– Не понимаю, что тут неприличного. Вы полностью одеты, а я хотела убедиться, что с вашей рукой все в порядке. Вы, англичане, чересчур чопорны.

– Согласен, дорогая. Спасибо за то, что позаботились о моей руке, – сказал он, снова терзаясь угрызениями совести. Такого с ним почти никогда не случалось. И все же эта женщина за несколько минут заставила его дважды почувствовать себя виноватым. К тому же он вспотел от внезапного желания. Все это, вместе с самым странным ощущением внизу живота, было совершенно непонятным. Словно с ним вот-вот должно случиться что-то волнующее. Такое происходило только в тех случаях, когда он переодевался и отправлялся на опасные приключения.

– Оставляю вас допивать кофе с тостами, – заявила она, направляясь к двери и позволяя Кейду разглядывать ее обольстительный стан. И тут у него в голове мелькнуло воспоминание. Он прищурился.

Девушка остановилась, положив ладонь на дверную ручку, но не оборачивалась.

– Рассматриваете мои бедра, мистер Кавендиш?

Кейд едва не поперхнулся кофе. Он никак не ожидал такого вопроса от горничной и уж точно не думал, что она так четко прочитает его мысли.

– Если я отвечу «нет», вы поверите?

– Ничуть.

Она открыла дверь, но он услышал в ее голосе улыбку. О, как, должно быть, забавно флиртовать с этой девчонкой! Он не поклонник французов, но красивая женщина – это красивая женщина. Кроме того, разве девушка не сказала, что англичане чересчур чопорны? Они, по крайней мере, могут хоть в этом вопросе сойтись.

– Вы не можете так уйти! – воскликнул он. – Вы еще не назвали свое имя! Все, что мне известно, – вы точно не Мэри!

– Меня зовут Даньелл! – сообщила она, оглянувшись и закинув прямые волосы на плечи. В синих глазах плясали лукавые искры. – Я – новая камеристка леди Дафны и прошлой ночью случайно повалилась вам на колени, когда помогала снять сапоги. Вы сказали, что у меня самые соблазнительные в мире бедра.

Глава 8

Даньелл быстро шла по Харли-стрит, находившейся в деловой и сравнительно безопасной части Лондона, недалеко от Мейфэра, где жила ее новая хозяйка. Несколько месяцев назад девушка перевезла сюда мать. Доктор Монтгомери тоже жил рядом. Он считался лучшим доктором в области лечения чахотки в стране. Именно поэтому Даньелл так отчаянно хотела оставаться в Лондоне. А служба у леди Дафны была наилучшим выходом.

Даньелл поспешила вверх по лестнице и вошла в маленькую квартирку, отперев дверь ключом, который достала из ридикюля. Как обычно, когда она приходила сюда, в нос ударили запахи лекарств и болезни.

– Это вы, мисс ла Кросс? – окликнула ее сиделка из спальни.

– Да, миссис Хортон, я.

Даньелл глубоко вздохнула и нацепила на лицо фальшивую улыбку, что делала каждый раз, когда приходила навестить мать. Улыбке полагалось быть спокойной и ободряющей.

Она вошла в комнату и обратилась к сиделке:

– Как она сегодня, мисс Хортон?

– Не хуже, чем вчера, – слегка улыбнулась сиделка. Даньелл знала, что эта женщина не хочет ее расстраивать, но состояние матери не улучшалось, несмотря на все лекарства доктора Монтгомери.

– Я сейчас немного ей почитаю, – сказала Даньелл. – Можете немного отдохнуть.

– Конечно, мисс.

Миссис Хортон попрощалась и скоро покинула их. Даньелл знала, что сиделка предпочитает пообедать вблизи от парка, а потом прогуляться. Даже воздух Лондона, туманный, пахнувший горящим углем, был приятен после вынужденного заключения в одной комнате с больной.

Даньелл уселась на стул рядом с материнской кроватью. Мать вымученно ей улыбнулась. Она выглядела такой худой и хрупкой! Глаза запали, под ними виднелись синяки. Улыбка так и не сползла с лица Даньелл. Она налила в стакан воды из графина и поднесла к сухим, потрескавшимся губам матери.

– Где мы остановились вчера? – спросила она, открыв книгу, взятую с тумбочки. – Ах да, мы только что узнали, что Манфред – настоящий отец сына Джерома, верно?

Они читали «Замок Отранто». Мать обожала готические романы.

Прошел почти час. Даньелл подняла голову и увидела, что глаза матери закрыты, а ее неглубокое дыхание выровнялось. Вот только свист в груди никак не затихал. Но мама, по крайней мере, отдыхала.

Вскоре вернулась миссис Хортон. Даньелл вышла из спальни, чтобы поговорить о планах на конец недели и лекарствах для матери. Помощник доктора обычно привозил лекарства на неделе и оставлял счета у миссис Хортон.

Даньелл открыла ридикюль и выудила оттуда деньги на оплату услуг сиделки, доктора и лекарств. Пришлось отдать все недельное жалованье. Но по крайней мере, оно у нее было. Многие девушки в ее положении не имели и части таких денег, которые уходили на лучший уход за матерью.

Миссис Хортон попыталась погладить ее по руке, но Даньелл инстинктивно попятилась. Любое проявление участия, и она просто разрыдается.

– Спасибо за помощь, – пробормотала она. – Я вернусь завтра вечером.

Только спускаясь по лестнице, она позволила себе не вытирать катившиеся по щекам слезы. Однако девушка быстро пришла в себя и смахнула прозрачные капли затянутой в перчатку рукой. У нее нет времени плакать. Нужно встретиться с генералом.

Теперь она снова шла мимо аккуратных маленьких домиков на Шеперд-стрит. На первый взгляд, это было обычное приятное место, где селились респектабельные лондонцы. Чистые, красивые на вид строения, хотя и далеко не такие экстравагантные, как мейфэрские особняки. Именно поэтому здесь располагалась одна из самых секретных организаций в королевстве. Никто никогда не заподозрит, что она находится в таком месте. Организация не была зафиксирована ни в одном документе и не появлялась в отчетах. О ней не знали другие шпионы министерства внутренних дел. Это был второй офис генерала Марка Гримальди. В свои тридцать три года Гримальди был главой элитного подразделения шпионов. Настолько элитного, что они не знали друг друга. Только Гримальди знал каждого.

Даньелл поднялась по ступенькам к двери под номером двенадцать и стукнула один раз. Дверь приоткрылась.

– Какая сегодня погода? – спросил приятный мужской голос.

– Слишком ветрено на мой вкус, – ответила Даньелл.

Пароль и отзыв были произнесены. Дверь распахнулась. Даньелл вошла в скудно обставленную комнату, где стояли серебристого цвета буфет, письменный стол и два стула. По одной стене тянулся ряд полок, заставленных книгами.

Мистер Гроггс, секретарь, открывший дверь, отступил:

– Генерал примет вас.

Даньелл подошла к следующей двери, из толстого дерева, с дверным молотком в виде львиной головы, и снова стукнула один раз.

– Войдите, – ответил низкий властный голос.

Она расправила плечи и с трудом сглотнула, прежде чем переступить порог и закрыть за собой дверь.

Темноволосый мужчина сидел в вертящемся кресле, глядя в окно на конюшни за домом. Генерал Марк Гримальди был настоящим гигантом: высоким, темноволосым, широкоплечим. У этого человека были тайны. Тайны, о которых она не хотела думать.

Она знала его с тех пор, как ей исполнилось пятнадцать. Он был ненамного старше ее, всего на восемь лет. Ему было двадцать три. А Даньелл, переодетая мальчишкой, в тринадцатилетнем возрасте присоединилась к шайке французских контрабандистов. У контрабандистов были деньги. И связи. Контрабандист мог переправить ее в Англию, где она спасет мать, которая томится в английской тюрьме по ложному обвинению в убийстве мужа. Контрабандисты были ее единственной надеждой, но они вовсе не собирались принимать в свои ряды девчонку. Поэтому она сделала то, что должна была: переоделась мальчиком, остригла волосы и пустилась в первое приключение. Все что угодно, лишь бы получить деньги.

Гримальди, который в то время еще не был генералом, выволок ее, визжавшую и брыкавшуюся, с французского судна, которое везло контрабанду, и задал ряд вопросов на беглом французском. Когда она, злобно оглядывая врага, ответила на столь же безупречном английском без тени акцента, тот восхищенно вскинул брови, после чего отвел ее в маленькую комнатку за складом и допросил лично. Сделал все, чтобы она чувствовала себя непринужденно, угостил чаем – англичане любили чай – с бисквитами и вызвал настоящего доктора, чтобы тот обработал порез у нее на щеке. И только после всего этого снова стал задавать вопросы. На английском. Она отвечала по-французски, причем ухитрялась ничего не выдать. И при этом злорадно ухмылялась, не признавая за собой никаких преступлений. После двухчасового допроса она встала, чтобы уйти, упрямо надеясь, что англичанин отпустит ее и не подумает арестовать.

– Я покидаю вас, капитан, – отчеканила она. Но успела лишь дошагать до двери, когда его голос, гладкий, как шелк, но опасный, как свернувшаяся змея, остановил ее:

– Я впечатлен, мистер Кросс.

– Чем именно, капитан?

Ее дрожащая рука легла на дверную ручку. Она была так близка к свободе.

– Впечатлен вашим красноречием. Отсутствием акцента, как в английской, так и во французской речи. Вашим несомненным умом, что немного странно для столь юного возраста.

– Спасибо, капитан.

Она открыла дверь и переступила порог.

– Не хотите услышать, мистер Кросс, что произвело на меня самое сильное впечатление?

Она судорожно сглотнула, но заставила себя повернуться, предварительно изобразив фальшиво-скучающее выражение лица.

– Что же именно, капитан?

– Больше всего я впечатлился, узнав, как умело вы смогли убедить целую команду французских контрабандистов в своей принадлежности к мужскому полу. Бог видит, это замечательно.

Этого оказалось достаточно, чтобы она ахнула, закрыла дверь и снова села перед ним. За два года, прошедшие с ареста матери, ни один человек не проник в ее тайну. Ни один. Этот же разгадал ее меньше чем за два часа.

– Не возьму в толк, о чем это вы, капитан. Возможно, морской воздух затуманил вам мозги.

– Я в своем уме. Пощадите нас обоих, мистер Кросс. Или лучше сказать мадемуазель? Не заставляйте меня рвать вашу рубашку, чтобы доказать свою правоту.

Ее глаза сверкнули пламенем:

– Не посмеете!

– Не хотелось бы, но я поступлю так, как подсказывает долг. Попробуйте воспротивиться и увидите, что выйдет.

– Что вы хотите? – взвилась девушка.

– Все очень просто. Мне нужна ваша помощь.

В тот день родился совершенно невероятный союз между француженкой и английским шпионом. Она пошла бы на все, чтобы спасти мать.

И десять лет спустя она по-прежнему посещала его офис. Он был ее главным нанимателем. Мать была в безопасности. Но убийца ее отца все еще был на свободе, и Даньелл намеревалась привести его в суд.

– Рад вам, Кросс.

Гримальди, наконец, повернулся к ней лицом.

– Вы хотели меня видеть, – ответила она. Оба знали, что он просил ее о встрече только в самых экстренных случаях. Крайних случаях. Рисковать они не могли.

– Так и было.

– Могу я спросить, в чем причина?

– Разве это не очевидно? Пора объяснить суть вашей миссии. Кстати, я получил информацию, касающуюся предыдущей.

– Рада это слышать. Но я думала, что моя новая миссия – наблюдение за Виконтом Шпионом. Нужно убедиться, что он остается верным короне.

– Нет. Я бы доверил лорду Кавендишу собственную жизнь. Человека преданнее короне трудно найти.

– Почему же, во имя господа, вы заставили меня затянуться в платья, наняться в особняк в Мейфэре и изображать камеристку знатной леди? Черт!

– Что за лексикон! – покачал головой Гримальди. – Леди совершенно не пристало так выражаться!

– Вы знаете, что я не леди, – буркнула она.

– Да, меня крайне забавляет, что во время этой последней миссии вам пришлось служить камеристкой. Я бы дорого дал, чтобы посмотреть, как вы заплетаете косы и втыкаете шпильки в волосы.

– Я хорошо знаю свои обязанности. Волноваться не о чем.

Гримальди вспомнил, что целых две недели ее тренировала одна из лучших лондонских камеристок, которой хорошо платили за то, чтобы держала язык за зубами и не задавала лишних вопросов.

– В этом я не сомневаюсь. Вы всегда полностью посвящаете себя очередной миссии, – кивнул Гримальди.

– Больше никаких проволочек, генерал. В чем заключается мое задание? Мне нужно возвращаться. Сегодня миледи едет на бал и скоро меня хватится.

Гримальди вздохнул. Куда же девалась его улыбка?

– Прекрасно. Я понял.

Никаких бумаг. Никаких записей. Именно так работал этот отдел Министерства внутренних дел. И вообще этого разговора не было. Ее могут пытать и казнить, но она ни за что не признается, что ей известно имя Марка Гримальди, не говоря уже о его должности начальника этой несуществующей конторы.

– Объект – вовсе не Рейф Кавендиш, – объявил Гримальди.

Даньелл свела брови:

– Только не говорите, что это леди Дафна!

– Нет. Семья Свифдонов всегда была предана короне.

– В таком случае, кто? – нахмурилась Даньелл.

– Брат виконта. Мистер Кавендиш.

– Кейд, – выдохнула она.

– Вы с ним познакомились?

– Прошлой ночью.

– И?

– Он кажется обаятельным повесой, но вовсе не опасным… если не считать…

Она постучала пальцем по щеке.

Гримальди вскинул брови:

– Если не считать… чего именно?

– Вчера он с кем-то подрался.

– С кем именно?

– Не знаю. Он приехал домой пьяный и с окровавленной рукой.

– Хм… Попробуйте узнать об этом больше.

– Его брат считает, что у Кейда просто талант ввязываться в пьяные свары.

– У него не только этот талант. Его много лет не было в стране. Тот факт, что Кавендиш вернулся, означает, что он что-то затеял. Ваше присутствие в доме может помочь нам кое-что прояснить.

– Что именно?

– А вот как раз узнать, что именно, поручается вам, мадемуазель ла Кросс, – усмехнулся Гримальди.

Глава 9

Проклятье!

Умываясь, Кейд продолжал ломать голову над тем, что случилось вчера ночью, когда мадемуазель ла Кросс была в его спальне. Очевидно, пока ничего. Он был полностью одет, когда проснулся. И если верить Даньелл, там были Дафна и Рейф.

Кейд злился на себя, поскольку сделал именно то, о чем предупреждали его брат и невестка всего несколько часов назад. Видимо, он просто не может вести себя прилично даже один вечер!

Кейд вздохнул. С другой стороны, вчерашнее происшествие поможет ему поддерживать образ пьяного болвана в глазах мадемуазель. Чем более бесполезным будет считать его Рейф, тем лучше.

Однако напиться до беспамятства – это позор. А потеря самоконтроля в его положении – весьма опасная вещь. Люди вроде него, теряя самоконтроль, теряли жизнь. Ему нужно приняться за дело и сосредоточиться на своем плане. Чем скорее он сумеет найти необходимые ответы, тем раньше уедет. Оставаться здесь дольше нельзя по многим причинам, включая необходимость держаться подальше от чертовски соблазнительной и отвлекающей от дел камеристки.

Она удивила его, хотя люди никогда его не удивляли. Его тянуло к ней, хотя он предпочитал высоких блондинок с формами. Но что-то в этой миниатюрной, черноволосой гибкой женщине его привлекало. Возможно, дело в ее самоуверенности. Она непринужденно обменивалась с ним репликами, а сегодня утром с дерзким видом заявилась в его комнату. Потребовала, чтобы он выпил стакан зеленого эликсира, и осмотрела его руку, причем даже не поздоровалась сначала.

Французы были людьми бесцеремонными. Но в этой женщине было что-то бесконечно интригующее. Она, несомненно, красива. Настолько, что дыхание перехватывает. Гораздо красивее, чем он предполагал, даже после того, как Рейф так строго велел ему не приближаться к ней. Возможно, Кейду следует поступить правильно и извиниться перед ней за свое поведение прошлой ночью. Может, они даже выпьют вместе. Бокальчик виски никому еще не повредил.

Он намылил лицо и поморщился, коснувшись синяка на щеке. Люди говорят, что он похож на Рейфа как две капли воды. Но у него волосы длиннее. А теперь еще и синяк под глазом. И сейчас разница видна всякому.

Кейд покачал головой и вытер лицо полотенцем. Несмотря на все предупреждения брата и невестки, он уже решил, что его флирт с мадемуазель ла Кросс никого не касается. Он не впервые затаскивал в постель горничную, но хорошеньких горничных по тринадцать на дюжину, а у него есть о чем

побеспокоиться и без них. Как теперь, спрашивается, он объяснит Томлинсону происхождение фингала под глазом?

Кейд оделся. Он никогда не понимал, как это Рейф сумел привыкнуть к проклятому камердинеру. Он и представить не мог жизнь в обществе человека, который постоянно торчит рядом, беспокоясь из-за каждой морщинки или, не дай бог, кровавого пятна на одежде. Но хотя сам Кейд и не думал нанимать камердинера, он все же определенно восхищался новой камеристкой невестки.

Ну вот, опять он вернулся мыслями к мадемуазель ла Кросс.

Он чертовски долго обходился без женщины, вот и все. Ему нужно с кем-то переспать, причем срочно. Ничего, вечером, после того, как встретится с Рейфом в клубе, он заглянет к мадам Терлингтон.

Перескакивая через ступеньку, он выбежал из дома и прошел половину Мейфэра, прежде чем нанять экипаж для поездки в менее респектабельный район города. Обычно он встречался с Томлинсоном в гостинице «Любопытный козел». Гостиница с кабачком располагалась достаточно далеко, так что их вряд ли могли увидеть знакомые, но была вполне респектабельна, и в случае встречи можно было объяснить свое появление здесь.

Кабачок ничуть не изменился за все годы, в течение которых Кейд приходил сюда, а ведь прошло не менее десяти лет. Все те же уныло-серые и коричневые стены, все те же потертые столы и стулья, когда-то выкрашенные в красно-синий цвет английского флага, но от краски давно остались только потускневшие пятна. Посетители обычно выглядели не столько буйными, сколько утомленными, и сегодняшний день не был исключением.

Грудастая подавальщица средних лет принесла ему эль в гигантской деревянной кружке. Поставила на стол, подмигнула Кейду и криво улыбнулась. Ну не настолько уж он отчаялся!

Мимо прошла подавальщица помоложе и постройнее. Он уже подумывал ответить на ее призывный взгляд, но решил, что в доме мадам Терлингтон все будет проще. И никаких проблем. А подавальщицы в кабаке обладают способностью запоминать лица. И ожидать новой встречи. Не хватало только столкнуться с неприятностями во время именно этого визита в Лондон. Он

ничего никому не обещал и намерен соблюдать это правило и впредь.

Долго ждать ему не пришлось. Томлинсон, как всегда, почти вбежал с улицы, словно у него был еще миллион дел. Толкнул дверь, закрыл ее за собой и осторожно снял шляпу. Томлинсон был ниже ростом и старше Кейда. Волосы его уже седели, к тому же он опирался на палочку, хотя и больше для видимости. Подняв голову и узнав сидевшего за столом в глубине помещения Кейда, он кивнул и направился к нему.

– Эверсби! – воскликнул он с безупречным выговором члена высшего общества.

Как почти все, с кем Кейд общался вне Мейфэра, Томлинсон не знал его настоящего имени. Кроме того, он не вращался в тех же кругах, что Рейф, и, следовательно, не знал Виконта Шпиона. Конечно, Кейд подозревал, что Томлинсон – тоже не настоящее его имя. Так что они квиты.

– Томлинсон, – ответил Кейд, тоже кивнув. Тот поспешно сел и дождался своей кружки эля, которую принесла стройная подавальщица. Он окинул ее жадным взглядом, но она почти сразу отошла.

Несколько секунд ушло у него на то, чтобы пристроить палочку у стены, после чего он повернулся к Кейду:

– Я и сам собирался вас отделать, но вижу, кое-кто уже успел это сделать за меня. Что случилось с вашим глазом?

– Человек, нанесший мне визит, очевидно, не был моим почитателем.

Кейд ухмыльнулся, но тут же поморщился от боли и осторожно коснулся синяка.

– Вижу, – откликнулся Томлинсон.

– За что вы собирались меня отделать? – осведомился Кейд.

– Сам не знаю. Возможно, потому что я несколько лет считал вас мертвым, а вы и пальцем не пошевелили, чтобы разубедить меня в этом, и только вчера послали мне письмо с просьбой о встрече.

Кейд снова поморщился, хотя на этот раз по совершенно другой причине.

– Очень многие считали меня мертвым.

– Это дела не меняет.

Кейд потопал ногой по грязному полу.

– Послушайте, у меня не слишком много времени.

Томлинсон поджал губы:

– Конечно, нет. У вас никогда нет времени. Что вы ищете сейчас?

Кейду нравилось в Томлинсоне именно это – он человек прямой.

Кейд поудобнее устроился на стуле и глубоко вдохнул:

– Что вы знаете о Черном Лисе?

Томлинсон растянул рот в улыбке:

– Ну, разве это не пинок в задницу? Я собирался задать вам этот же вопрос.

– И вы ничего не знаете? – прищурился Кейд.

– Немного, – пожал плечами Томлинсон.

– Вы должны что-то знать, – настаивал Кейд, снова притопнув ногой.

– Знают газеты. Он снова нанес удар.

Томлинсон покачал головой.

– Что еще вам известно о нем? – не унимался Кейд.

– Боюсь, слишком мало. О нем ходят самые невероятные слухи. Он француз. Он англичанин. Он русский. Он пират. Никто ничего не знает наверняка.

– Две ночи назад он ограбил «Le Secret Francais», – подсказал Кейд.

– Да. Одно из его бесчисленных преступлений.

– Но почему это судно оказалось в Лондоне?

Томлинсон выпил эля:

– Понятия не имею.

– Но что поведали слухи, Томлинсон? Ну же, вы всегда знаете все слухи.

Девять раз из десяти эти слухи оказывались чистой правдой.

– Так и быть, – вздохнул Томлинсон. – Ходят слухи, что группа предателей-англичан работает с французами. Последние прибыли в порт, чтобы обсудить окончательные планы.

– А Черный Лис решил эти планы разрушить, – широко улыбнулся Кейд.

Глаза Томлинсона превратились в черные щелки:

– Почему вас так интересует Черный Лис?

– Это мое дело, – буркнул Кейд, поднося к губам кружку.

– Пусть будет так, но если хотите знать, что мне известно о парне, вам лучше сказать правду.

Кейд закатил глаза:

– Я пытаюсь определить, что именно знает о нем британская разведка.

– А зачем вам это? – с подозрением спросил Томлинсон.

На этот раз Кейд пожал плечами:

– Скажем так: у меня есть свой интерес в этом деле.

– Случайно не вы этот самый Черный Лис?

Томлинсон долго и пристально смотрел в глаза Кейда.

Кейд был готов к этому вопросу. Он отточил искусство надевать на себя бесстрастную маску во время многочисленных карточных партий с людьми, которые умели распознавать ложь намного лучше, чем Эрнесту Томлинсону когда-либо это удастся. Кейд откашлялся:

– Если бы я был Черным Лисом, вы, скорее всего, не поверили бы, если бы я это вам сказал.

Томлинсон осклабился, показав желтые кривые зубы:

– Да уж, это точно.

– Что еще вы слышали? – спросил Кейд, терпение которого было готово лопнуть.

Томлинсон снова глотнул эля:

– За ним охотятся, но не могут отыскать.

Кейд подался вперед:

– Им ничего не известно?

– Во всяком случае, немного. Они уверены, что он искал на французском судне что-то определенное. Но точно не драгоценности, как хотят уверить нас газеты.

Кейд мрачно кивнул.

– Больше им ничего не известно?

– Ничего, что бы мне удалось разведать.

Кейд встал, бросил на стол несколько монет и направился к двери.

Но голос Томлинсона остановил его:

– Кто же, по-вашему, подбил вам глаз, Эверсби?

– Не могу сказать, но считаю, что этот человек ищет Черного Лиса.

Глава 10

Юбки Даньелл подметали ступеньки задней лестницы, которая вела на кухню. Сейчас время обеда для слуг, которые ели раньше всех в доме.

Она думала о мистере Кавендише. Кейде. Он велел ей называть его Кейдом, и прошлой ночью она сидела у него на коленях.

Что она знает о нем? У него есть брат-близнец. Виконт. И он, и его жена, похоже, ожидают от Кейда самого худшего. Почему? Что он сделал? И почему он живет с ними? Если генерал Гримальди не спускает с него глаз, Кейд почему-то важен для него. Но почему?

Гримальди просил ее каждую ночь оставлять записку под цветочным горшком сбоку от конюшни и сообщать, узнала ли она о каких-то свиданиях, на которые ходил мистер Кавендиш. Конечно, послания должны быть зашифрованы. Но проблема в том, что пока ей нечего писать. Даньелл задала лакею Тревору несколько безобидных вопросов, но смогла только подтвердить тот факт, что у Кейда не было камердинера, о чем она уже знала. Если она хочет узнать о нем больше, единственным выходом будет спросить самого Кейда.

Она сидела на кухне, пришивая кружево к носовому платку леди Дафны. Слава богу, что тетушка Мадлен научила ее шить!

Она воткнула иглу в тонкую мягкую ткань. Что еще известно о Кейде Кавендише? Ему не совестно напиться и залить кровью дорогие ковры и постельное белье. Он из тех, кто не задумается явиться домой с раной, почти наверняка появившейся в результате удара противника в лицо. Не то чтобы она осуждала его. Ей и самой иногда приходилось участвовать в рукопашной. Зато этот человек ее удивил. А люди редко удивляли ее. Особенно мужчины.

Даньелл улыбнулась, вспомнив его слова о том, что у нее самые соблазнительные в мире бедра. Она не собиралась говорить ему, что его зад тоже неплох. Этот человек и без того безмерно самоуверен. Не хватало еще, чтобы она раздувала его и без того гигантское самолюбие. Вот только с ее стороны было глупо предполагать, что он не понимает французского.

– Вы и правда из Франции? – спросил тоненький голосок.

Даньелл повернулась и увидела горничную Мэри, смотревшую на нее из коридора.

– Да, когда-то я жила там, – улыбнулась Даньелл.

– А как вы попали сюда? В Лондон? – не унималась Мэри, вопросительно глядя на нее зеленовато-карими глазами.

Но Даньелл давно научилась не отвечать на слишком назойливые личные вопросы.

– А как вы попали в этот дом? – осведомилась она.

Девушка нерешительно шагнула к табурету, на котором сидела Даньелл.

– Ма много лет работала на графа Свифдона. Когда у леди Дафны появился свой дом, она сказала, что для меня в ее хозяйстве всегда найдется место.

– Леди Дафна очень добра, – снова улыбнулась Даньелл.

– О да, миледи одна из самых добрых и великодушных людей, которых я когда-либо встречала.

– Как давно вы уже в услужении у леди Дафны? – допытывалась Даньелл, изучая лицо девушки. Должно быть, ей не больше семнадцати.

– Я начала только в прошлом месяце. Сразу после свадьбы.

– Свадьбы? – удивилась Даньелл.

– Да. Тогда лорд и леди поженились.

Мэри огляделась и таинственно прошептала:

– Не стоило бы этого говорить, но ходят слухи, что на самом деле они поженились прошлой осенью.

– Прошлой осенью? – еще больше изумилась Даньелл. – Если они уже были женаты, зачем жениться еще раз?

Горничная снова оглянулась и сделала Даньелл знак идти за ней. Даньелл встала и положила платок на табурет. Они прошли по коридору в маленькую каморку рядом с комнатой экономки. На столах по углам стояли бутылки с вином и бочонки с пивом. На полках лежали мешочки с сахаром и солью и пакеты с пряностями. Если не считать маленького столика в центре и двух стульев, больше мебели не было.

Мэри села на один стул и знаком велела Даньелл сесть на другой. Они остались одни, хотя в крыле для слуг было полно людей.

– Говорят, они сбежали вместе, – выпалила Мэри, как только они устроились поудобнее.

Даньелл, как завороженная, подалась вперед.

– Леди Дафны не было почти неделю, а поскольку лорд Рейф был шпионом и тому подобное…

– Он шпион?

Даньелл, конечно, уже это знала. Но нельзя, чтобы Мэри это поняла. Какое несчастье, что в хозяйстве лорда Кавендиша служит горничная, не умеющая держать язык за зубами! Но Даньелл Мэри нравилась. Дружелюбная, всегда готовая помочь девушка!

– Мне не следует дальше говорить, – покраснела Мэри. – Если миссис Хаклберри пронюхает, что я сплетничала…

– Очень рассердится? – подсказала Даньелл.

– О нет, зная миссис Хаклберри, можно сказать, что она присоединится к беседе. Не стоит заставлять ее испытывать необходимость меня пожурить. Она терпеть не может кого-то ругать.

Даньелл сжала губы, чтобы не рассмеяться. Какие странные слуги! Не то чтобы она часто бывала в кругу слуг, но ожидала, что люди настоящего английского лорда окажутся воспитанными и будут соблюдать приличия. Однако Мэри и миссис Хаклберри, похоже, совершенно другие. Хотя девушка может оказаться источником ценных сведений.

– Скажите, а что вы знаете о мистере Кавендише, брате виконта?

Девушка широко раскрыла глаза.

– Боже, как он красив, верно? Я едва не упала со стула, когда впервые увидела его и поняла, что их двое, совершенно одинаковых.

Даньелл едва не фыркнула.

– Со мной было почти то же самое. Послушайте, Мэри, он не пытался с вами вести себя неприлично?

Она предположила, что Кейд пытался очаровать каждую служанку в этом доме. Вплоть до посудомойки.

Мэри покачала головой:

– Как ни печально, но нет. Какая жалость! Если бы он повел себя неприлично по отношению ко мне, я бы вряд ли ему отказала.

Даньелл долго хохотала. Но едва она замолчала, в комнату ворвалась миссис Хаклберри. Увидев Мэри, экономка укоризненно прищелкнула языком. Даньелл вскочила, стыдясь того, что ее застали за сплетнями.

– Мадам, – пролепетала она, почтительно кивнув экономке. Эта женщина, скорее всего, уволит ее, а если не она, то уж точно уволит леди Дафна, когда узнает, что Даньелл не годится в камеристки, потому что сплетничает о хозяевах.

– О, вам ни к чему вставать, – отмахнулась миссис Хаклберри. – Я пришла взять сахара для кухарки.

Мэри тоже вскочила, открыла шкафчик и достала битком набитый мешочек с сахаром, который тут же вручила экономке.

– Спасибо, Мэри.

Мисс Хаклберри поплыла к двери, но остановилась, увидев лицо Даньелл:

– Дорогая! Почему у вас такое лицо, словно вы увидели призрак?

– Я боялась, вдруг вы рассердитесь…

Темные глаза миссис Хаклберри сверкнули:

– Да, я все слышала. И не могу винить вас за упоминание о том, как красивы его светлость и брат его светлости. Оба просто неотразимы, а я еще не слишком стара, чтобы не заметить этого, – заявила экономка, кокетливо хлопая ресницами.

Даньелл вытаращила глаза от изумления.

– Вы не сердитесь на меня?

– Почему я должна сердиться?

– Наверное, потому, что я француженка.

– Но не из-за вас же наши страны воюют, не так ли, дорогая?

– Конечно, нет.

– Пусть лорд Кавендиш недолюбливает французов, но вы сами увидите, как он добр ко всем нам.

– Что случилось с лордом Кавендишем? Я имею в виду, у французов? – не выдержала Даньелл.

Миссис Хаклберри прижала к животу мешочек с сахаром.

– Они избивали его. Страшно избивали. Он едва не умер. А брата леди Дафны убили в той поездке.

Даньелл прикусила губу.

– Мне очень жаль это слышать.

Миссис Хаклберри покачала головой:

– Лорд Кавендиш не виновен в смерти графа, брата леди Дафны. И по правде говоря, он делал все, чтобы его спасти. Это ужасная трагедия, и ничего больше.

Глаза Мэри наполнились слезами. Она поднесла фартук к лицу и быстро вытерла соленые капли.

– Я очень рада, что лорд Кавендиш благополучно вернулся, – заметила Даньелл, пытаясь немного их развеселить.

– Да, – кивнула миссис Хаклберри. – Просто чудо, что он вернулся живым и здоровым.

– А его брат? Он с тех пор и приезжает сюда?

– О нет! – оживилась Мэри. – Только последние несколько месяцев.

– Да, – подтвердила миссис Хаклберри. – Он и лорд Кавендиш долго оставались холостяками. И к тому же они такие красавцы! Но теперь холостяком остался только один.

Экономка кокетливо повела плечами.

Даньелл едва удержалась от улыбки. А вот Мэри удержаться не смогла, и вскоре обе беззастенчиво ухмылялись.

– Скажите, мадемуазель…

Миссис Хаклберри переместила вес мешочка на бедро.

– Принести вам что-нибудь, дорогая? Бокал вина? Немного портвейна, чтобы подкрепить силы? Должно быть, вам тяжело приходится! Приехать в чужую страну, где вы никого не знаете!

Даньелл удивленно моргнула. Раньше она всегда работала с мужчинами, и ни один не заботился о ее благополучии. И уж конечно, никто бы не вздумал предложить ей вина.

– Нет, спасибо, миссис Хаклберри. Со мной все хорошо. Просто нужно возвращаться к работе.

Она встала и одернула юбки.

Стук в дверь заставил женщин обернуться. В дверях стоял мистер Кавендиш, заполнив проем широкими плечами. По комнате протянулась его длинная тень. Даньелл тихо ахнула и отступила.

– Простите, что прерываю разговор, – вкрадчиво начал он, кланяясь всем сразу, – но я бы хотел потолковать с Даньелл.

Глава 11

– Конечно, сэр, конечно!

Миссис Хаклберри широко улыбнулась, схватила Мэри за руку и только что не вытолкала из комнаты.

Даньелл осталась в кладовке наедине с Кейдом Кавендишем и продолжала расправлять юбки, стараясь скрыть, как нервничает. Она опустила глаза. К сожалению, на юбках не было ни единой морщинки. Но если он хочет заставить ее понервничать, ничего у него не выйдет. Она все равно возьмет верх.

– Чем могу помочь, мистер Кавендиш?

Кейд беззаботно усмехнулся:

– Как чем?! После того, как вы сидели у меня на коленях, я надеялся, что вы будете звать меня Кейдом.

Она поспешила к порогу, втащила его в комнату и закрыла дверь, чтобы другие не подслушали.

– Простите, я слишком громко разговаривал? – спросил он.

– Слишком громко, – прошипела она, злобно глядя на него.

– Означает ли это, что вы не станете звать меня Кейдом?

Улыбка так и не сходила с его лица.

Даньелл сложила руки на груди и нарочито медленно его обошла:

– Наоборот, я стану звать вас Кейдом.

Он выгнул брови:

– Не тревожитесь за свою репутацию?

– Не особенно.

Как она сможет побольше разузнать об этом человеке, если воздвигнет между ними стену, отказавшись звать его по имени? А использовать его имя – прекрасная идея. И он сам это предложил.

– Зачем вы пришли сюда? – неожиданно спросила девушка, глядя на свои туфли. Она по-прежнему желала скрыть свою нервозность.

– Я живу здесь… во всяком случае пока.

Он щелчком сбросил пылинку со своего светло-голубого жилета.

– Нет, – не сдержала она улыбки. – Почему вы пришли сюда? В эту комнату? Чтобы увидеть меня?

– Потому что.

Кейд прошел мимо нее и достал бутылку вина из ящика. Одного из многих, сложенных в углу.

– Хороший год. Кстати, почему вы на кухне? Кроме таланта делать прически вы еще и отличный пекарь?

– Я не умею готовить. Совершенно, – рассмеялась она. – Но вы не ответили на мой вопрос. Почему вы здесь?

«Похоже, его легко отвлечь. Запомним».

– Потому что должен перед вами извиниться.

Не выпуская бутылки, он повернулся к ней лицом.

– Вас прислала леди Дафна?

Он откинул голову и расхохотался:

– Нет! Вопреки тому, что вы могли подумать, я не из тех, кто подчиняется приказам женщин. Предоставляю это своему брату.

«Братья не ладят? Тоже возьмем на заметку. И, возможно, Кейду не везет с женщинами. Интересно».

– Я обожаю ее. Она великолепная маленькая аристократка. Но домашняя упорядоченная жизнь не по мне. Хотя Рейф нашел, что такое существование ему подходит!

Даньелл опустила руки, наклонилась и оперлась ладонями о стол.

– За что же вы извиняетесь?

Он понизил голос:

– За то, что оскорбил вас. Посадил к себе на колени, если это действительно случилось, и за то, что упомянул о ваших бедрах. Конечно, теперь, при беспощадном свете дня, я вижу, что с моей стороны это было неделикатно.

Она глянула на него из-под полуопущенных ресниц. Нужно вывести его из равновесия. Пусть гадает, сработали ли его извинения.

– А если я не приму ваших извинений?

Он беззаботно изучал этикетку бутылки.

– Будет очень жаль, поскольку это единственное, что вы получите.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Французская тайна (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Ты Черный Лис? (фр.)

3

Зачем тебе знать? (фр.)

4

Вот! (фр.)

5

Несмотря на то, что он удивительно красив, этот человек полный осел (фр.).

6

Черная овца? (фр.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/valeri-boumen/nikogda-ne-ver-piratu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить